

НАРОДЫ СССР

Этническое развитие народностей Севера в советский период / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1987. 223 с.

Важность изучения национальных процессов у народов СССР связана прежде всего с неоднозначностью этнического и этносоциального развития разных народов и наличием отдельных проблем в межнациональных отношениях. Под этим углом зрения и следует оценить появление рецензируемой книги. Она выполнена коллективом сотрудников сектора этнографии народов Севера и Сибири Института этнографии АН СССР и завершает серию работ сектора, посвященных исследованию этнической истории народов Севера и Дальнего Востока с древнейших этапов до наших дней¹. Первая книга этой серии — «Этногенез народов Севера» — явилась серьезным опытом реконструкции общей картины этногенетического развития народов северного региона азиатской и европейской частей нашей страны, вторая — «Этническая история народов Севера» — впервые в нашей науке дала обобщенную характеристику их этнического развития с XVI—XVII вв. до начала XX в.

К рецензируемой работе авторский коллектив шел долго, выпустив в 1960—1980-х годах ряд коллективных и индивидуальных монографий, сборников научных статей, посвященных социалистическим преобразованиям и этническим процессам у народов Севера нашей страны². Цель ее — на основе обобщения опубликованных ранее и новых материалов исследовать особенности развития этнических процессов у малочисленных народов Севера СССР, перешагнувших из эпохи почти первобытно-общинных отношений в социалистическое общество.

Применяемые исследователями методы социально-исторического, сравнительно-генетического и количественного анализа собранных данных позволили достаточно всесторонне изучить этнические процессы и проявления их во всех основных сферах жизни народов Севера. Отметим, что авторы монографии не проводили этносоциологических исследований, что не позволило им в ряде случаев получить количественные оценки развития этнических процессов. Как известно, именно стандартизированные опросы населения, статистическая обработка анкетных материалов позволяют добиваться большей глубины в изучении процессов этнического развития. Как бы оправдывая отсутствие в рецензируемой книге материалов этносоциологических обследований, автор предисловия указывает, что «прямые этнографические наблюдения в силу малочисленности народностей Севера позволяют достоверно охарактеризовать этнические изменения, чего не удастся сделать в густонаселенных районах» (с. 8).

Нельзя сказать, что в тексте работы мало количественных характеристик этносов и этнических процессов. И все же, думается, что семь таблиц цифровых данных, помогающих раскрыть динамику этнодемографических процессов у всех исследованных народов, динамику браков и численность семей у отдельных народностей, свидетельствуют о еще не реализованных возможностях в углублении изучения этнических процессов у народов Севера в советский период. Особенно огорчает тот факт, что слабо проанализирована в сравнительном плане динамика межэтнических браков за все годы Советской власти.

Лучшему пониманию этнотерриториальных процессов могли бы помочь и карты об изменениях в расселении народов Севера. Но их в тексте нет, есть только две схематические карты общего плана на форзацах, показывающие расселение народностей в 1926—1927 гг. и размещение автономных образований в 1979 г. Вторая карта почему-то названа «Расселение народностей Крайнего Севера. 1979 г.», хотя расселение на ней не показано, а указаны лишь границы автономных республик, областей и округов.

В основу рецензируемой работы положены главным образом документальные материалы, многие из которых впервые вводятся в науку. Так, широко использованы данные переписей населения 1897, 1926, 1939, 1959, 1970 и 1979 гг., документы областных, окружных, районных отделов записей актов гражданского состояния о браках, материалы местных архивов о развитии хозяйства, культуры, о социально-экономических изменениях в жизни изучаемых народов, похозяйственные книги сельсоветов и др. Вторую группу источников составили полевые материалы о многих сторонах хозяйственной, социальной и культурной жизни народностей Севера, собранные авторами в различных регионах Сибири и европейской части страны. Можно сказать, что ценность данной монографии, как и предшествующих двух работ, образующих трехтомную серию, и в ее энциклопедичности. Она содержит чрезвычайно важный этнографический, исторический и статистический материал, который может помочь будущим исследованиям.

Следует отметить, что проблемные положения и прогнозы относительно развития народов Севера СССР составили единую научную концепцию авторского коллектива. На некоторых из них мы и остановимся ниже при анализе отдельных глав монографии.

Книга состоит из «Предисловия», «Вводного очерка», восьми глав и «Заключения». В «Предисловии» основное внимание уделено истории изучения этнических процессов у народов Севера, выделению спорных и нерешенных его вопросов. Автор «Предисловия» И. С. Гурвич обращает внимание на тот факт, что этнический аспект развития народностей Севера привлек к себе внимание ученых лишь в середине 1950-х годов. Именно тогда было высказано мнение о том, что народы Севера вследствие их малочисленности не формируются в социалистические нации, а развиваются как народности. Оно было направлено фактически против господствовавшей в сталинский период концепции о том, что все народы в условиях социализма развиваются в социалистические нации. Решить это, как нам представляется, можно будет тогда, когда будут выделены какие-то существенные различия между социалистическими нациями и народностями многонационального государства.

Еще один дискуссионный вопрос, затронутый И. С. Гурвичем,— это определение типа этнических общностей у исследуемого населения накануне Октябрьской революции. В настоящее время сотрудниками сектора Севера и Сибири Института этнографии на основе массовых архивных и полевых материалов получены обоснованные выводы о том, что в XVI—XVII вв. предки всех ныне существующих народов представляли собой макроэтнолингвистические общности. В составе Российского государства в XIX в. некоторые из них превратились в народности, а «завершение процесса становления северных народностей относится уже к советскому времени» (с. 6).

Вводный очерк — «К социализму, минуя капитализм», написанный И. С. Гурвичем, посвящен чрезвычайно важной в методологическом плане проблеме — возможности перехода отставших в своем развитии народов к социализму, минуя другие классовые формации. Решение этой научной проблемы связано с изучением советскими учеными вопросов об уровне социального развития народов Севера, об экономических и культурных преобразованиях в этом регионе в советский период. И в наши дни нет-нет да и вспыхнет на какой-нибудь конференции спор о том, были ли на Севере до революции феодальные или даже капиталистические отношения. Исследованиями сначала М. А. Сергеева, а затем коллектива сектора этнографии народов Севера и Сибири Института этнографии АН СССР³ доказано, что в целом народы Севера накануне Октября находились на стадии разложения первобытно-общинных отношений. После вхождения в состав России у них усилилась имущественная дифференциация внутри соседских общин, но «частная собственность на охотничьи угодья, также на олени пастбища у народов Севера не сложилась» (с. 12). Однако, по нашему мнению, степень влияния феодализма и затем капитализма на развитие этих народов была неодинаковой, система эксплуатации их носила черты господствующей в стране формации, а у ряда народов или у отдельных их групп все же можно проследить черты феодальных и позднее капиталистических отношений. По этой проблеме, видимо, следует продолжать научные дискуссии.

Не останавливаясь на многих аспектах социалистического и национально-государственного строительства на Севере, всесторонне освещенных во вводной главе, хочу поддержать мнение И. С. Гурвича о том, что упразднение Комитета Севера в 1935 г. было преждевременным. Считаю, что и в наше время необходим руководящий орган типа названного комитета, в котором ученые вместе с представителями Советской власти и административных органов с правом решающего голоса обсуждали бы проблемы дальнейшего развития коренных народов Севера.

Значительный научный интерес представляет и первая глава «Этнические общности и этнические процессы на Крайнем Севере накануне Октября», написанная В. И. Васильевым, З. П. Соколовой и В. А. Туголуковым. В таком обобщенном виде ход развития этнических процессов в этом регионе изложен впервые. Авторы главы раскрыли процессы формирования соседско-территориальных групп и вхождения в них нередко представителей разных народностей Севера, показали процессы развития двуязычия, межэтнических брачных связей и этнокультурного взаимовлияния коренных народов между собой и с группами русских, коми, якутов, бурят.

Вторая глава «Национально-государственное строительство, социалистическое переустройство хозяйства, быта и культуры и этнические процессы (1917—1940 гг.)», написанная В. И. Васильевым и В. А. Туголуковым, и третья глава «Социально-экономическое развитие Севера и этнические процессы в этом регионе в 1940—1980-х годах» (авторы В. В. Лебедев и Ю. Б. Симченко) охватывают большой круг вопросов, связанных с политическими, социально-экономическими и этническими процессами на Севере в советский период. Важной представляется попытка периодизации хода этнических процессов. Доказанными следует считать выводы о широком развитии в 1930—1960-х годах этнической консолидации у северных народностей, об усилении в последние десятилетия процессов межэтнической интеграции. Авторы глав сумели показать, что степень консолидированности народностей Севера весьма различна. Главы четвертая «Отражение этнических процессов в хозяйстве и материальной культуре народностей Севера» (З. П. Соколова), пятая «Этноязыковые процессы» (И. С. Гурвич), шестая «Отражение этнических процессов в духовной культуре народностей Севера» (М. Я. Жорницкая и А. В. Смоляк) и седьмая «Семья и этнические процессы» (А. В. Смоляк) посвящены развитию этнических процессов в разных сферах народного быта и современной культуры, а также отражению этих процессов в динамике семьи у народов Севера.

Большое значение, как нам кажется, имеет выделение З. П. Соколовой самодийского, эвенкийско-якутского, чукотско-корякского и приамурско-приморского историко-этнографических регионов, связанных с разными типами хозяйства и особенностями материальной культуры (с. 127—128). Верным представляется вывод И. С. Гурвича о том, что в целом коммуникативные функции национальных языков в общественной жизни сузились (с. 144). М. Я. Жорницкая и А. В. Смоляк высказали положения о затухании локального, микроэтнического самосознания, укреплении самосознания на уровне этносов, возникновении новых элементов, связанных с осознанием общесоветской принадлежности (с. 170).

В главе восьмой «Основные направления этнического развития народностей Севера» (И. С. Гурвич) освещаются общие направления и особенности проявления этнических процессов в разных регионах у разных групп народов Севера на всех этапах истории советского общества. Основные результаты проведенных авторами книги исследований в различных сферах жизни народов Севера в советский период изложены в «Заключении», написанном также И. С. Гурвичем.

Конечно, не все стороны этнических и этносоциальных процессов нашли отражение в монографии. Это связано с выбором основного объекта исследования — этносов и их подразделений (этнических и этнографических групп). Предстоит еще изучить этнические процессы на уровне метаэтнических и историко-этнографических общностей, хотя отдельные попытки в этом плане были предприняты и в данной книге (см. главу четвертую).

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что основное внимание авторы монографии уделили прогрессивным изменениям в жизни народов Севера. Но это привело к тому, что современные национальные проблемы, связанные с необходимостью дальнейшего совершенствования межэтнических отношений, удовлетворения национально-культурных запросов, укрепления позиций национальных языков, расширения правовой защиты народов Севера, остались во многом не освещенными. Например, на с. 149 утверждается, что у народностей Севера сложилось динамическое сочетание родных языков и языка межнационального общения, но ничего не говорится о сложностях в современной языковой ситуации у этих народов, связанной и с незавершенностью сложения общих языков у ряда этносов, большим числом диалектов и говоров, и со слабой степенью владения национальным языком у отдельных народов и с разной степенью владения русским языком. Недостаточно остро ставятся в книге вопросы о необходимости расширения информации об истории и культуре народов Севера, о воспитании уважения к достижениям других народов, о развитии культурного общения и других видов контактов представителей разных национальностей. Ничего не говорится о степени этноцентризма в национальном самосознании изучаемых народов, о проявлениях или отсутствии националистических явлений.

Рассмотренная нами книга, безусловно, вносит большой вклад в освещение многих вопросов этнического развития народов нашей страны в советский период. Она сразу стала заметным явлением в этнографии и исторической науке в целом и, несомненно, будет способствовать дальнейшему углубленному и целенаправленному проведению этнографических и этносоциологических исследований современных этнических процессов у северных народностей.

Н. А. Томилов

Примечания

¹ Этногенез народов Севера / Отв. ред. Гурвич И. С. М., 1980. 278 с.; Этническая история народов Севера / Отв. ред. Гурвич И. С. М., 1982. 270 с.

² Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966; Новая жизнь народов Севера / Отв. ред. Васильев В. И., Гурвич И. С., Симченко Ю. Б. М., 1967; Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера / Отв. ред. Гурвич И. С., Долгих Б. О. М., 1970; Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера / Отв. ред. Гурвич И. С. М., 1971; Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера / Отв. ред. Гурвич И. С. М., 1985, и др.

³ Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955. С. 116; Общественный строй народов Северной Сибири. М., 1970. С. 433.

К. В. Чистов. Ирина Андреевна Федосова. Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988. 335 с.

Причитания И. А. Федосовой, творческая личность народной поэтессы вызвали многочисленные отклики деятелей русской культуры при жизни исполнительницы в специальных статьях и рецензиях и в последующий период в научных исследованиях, из которых важнейшими были монография К. В. Чистова¹ и другие его работы, перечисленные в рецензируемой книге в библиографии «Публикации К. В. Чистова об И. А. Федосовой» (с. 333—334).

Новая монография подводит итоги, дополняет и углубляет многие важные вопросы, связанные с творчеством знаменитой исполнительницы. В ней использованы новые материалы, учтены выводы исследователей жанра причитаний последних десятилетий. Книга представляет двойной интерес. Она концентрирует внимание на одной из теоретических проблем фольклористики, связанной с природой изучаемого материала, соотношении коллективного и индивидуального, традиционного и импровизационного начала в фольклоре, в данном случае в жанре причитаний Федосовой.

Важность этой проблемы в истории фольклористики отражена во «Введении» (с. 3—17). Изложение сущности проблемы сменяется краткой историей ее в русской науке, начиная с 60—70-х годов XIX в., когда достоянием русской культуры стали записи П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Е. В. Барсова, и до настоящего времени. Подведены итоги, указаны причины интенсивного изучения этой проблемы в конце XIX — начале XX в., в конце 1930-х годов и в послевоенный период. Констатируется затухание интереса к творчеству сказителей в 1960—1970-е годы и новое обострение интереса к изучению взаимоотношения традиционного и импровизационного начала как в русской, так и в международной фольклористике последних лет.

Центральной в новой книге К. В. Чистова является проблема фольклорно-этнографическая: отражение в причитаниях И. А. Федосовой условий жизни пореформенной заонежской деревни и социальная психология крестьянства этого периода. Восстановив по всем возможным источникам биографию Федосовой и историю публикации текстов ее плачей, автор привлек обширные сведения по истории Олонецкой губернии, в частности Заонежья, в 1860-е годы. Сопоставление их с причитаниями И. А. Федосовой (главным образом похоронными и рекрутскими) позволило установить их реальную, иногда даже биографическую основу (произвол мировых посредников, бесправие и протест крестьян, жестокость рекрутчины, размышления о причинах народного горя). Все это рассматривается как выражение типических явлений и настроений крестьян пореформенной эпохи. При этом автор подчеркивает, что в причитаниях отразилась преимущественно первая стадия процесса развития пореформенной деревни. Тем самым вносятся необходимые уточнения в недифференцированную характеристику народного творчества второй половины XIX в. как фолькло-